

⁵ В 1906 г. впервые в России было создано представительное учреждение, обладавшее законодательными правами,— Государственная дума. ^До Февральской революции 1917 г. Дума созывалась четырежды. Деятельность ее представляет особый интерес, поскольку это был первый в истории страны выбранный народом законодательный орган, имевший право контроля за некоторыми сторонами государственного управления, что ранее являлось безраздельной прерогативой царя-самодержца. Конечно, выборы в Думу происходили не на демократической основе; целые пласты населения — женщины, военнослужащие, так называемые «бродячие инородцы» (т. е. скотоводы севера и юга страны), рабочие мелких предприятий — были лишены права выбирать и быть избранными; выборы не были прямыми, шли по «куриальной системе», когда выборщики, объединенные по цензовому или социальному признаку (домовладельцы, землевладельцы, рабочие, крестьяне-общинники), выбирали каждый в своей курии; не были они и равными, так как курии были разными по количеству избирателей. Кроме того, в первой курии (земельные собственники, в основном помещики) выбирали по двухстепенной системе (выбранные в губернские выборщики выбирали сразу членов Думы), а для крестьян-общинников — четырехстепенные (сход — волость — губерния — Дума). В результате один голос в первой курии приравнивался к трем голосам богатых горожан второй курии, 15 голосам крестьян третьей курии и 45 голосам рабочих крупных предприятий, объединявшихся в четвертой, так называемой «второй городской» курии.

Не была Дума и всемогущей. Накануне открытия заседаний I Думы права ее были резко ограничены: она не имела возможности пересматривать основные государственные законы; вне сферы ее деятельности находились вопросы внешней политики, дела, связанные с вооруженными силами (кроме финансирования их). Все это оставалось прерогативой царя. Даже бюджетные права Думы оказались урезанными: она, например, не могла контролировать бюджет Синода, расходы, связанные с содержанием царского двора; была и специальная статья, не подлежащая огласке в Думе и называвшаяся «На известное Его императорскому Величеству употребление». Она включала средства на военную разведку, подкуп иностранной и отечественной прессы правого направления.

И тем не менее, несмотря на все эти оговорки, введение законодательной выборной Думы стало важнейшим в истории России событием и крупнейшим завоеванием народа, достигнутым в годы первой российской революции. Теперь без одобрения Думы нельзя было принять ни одного закона, вводить новые налоги, новые расходные статьи в государственном бюджете. Если Дума не утверждала бюджет на текущий год, правительство вынуждено было пользоваться прошлогодним бюджетом, что не могло не стеснять его, особенно в части развития вооруженных сил, сильно потрепанных в русско-японской войне.

Такое крупное событие в истории страны, как введение законодательной Думы, естественно, не осталось незамеченным в историографии, в которой вплоть до недавних времен все определялось не столько анализом и оценкой фактов, сколько исходными идейными позициями авторов. Правый кадет В. А. Маклаков и в 30-х гг.¹, и позднее, в частности, в работе, посвященной специально I Думе², пытался доказать недоказуемое: якобы «партия народной свободы» (кадеты) «пошла в услужение к Ахеронту», т. е. темной народной стихии, оставила «власть» изолированной от общества и тем породила все дальнейшие коллизии (разгон I и II Дум, 1917 год, Гражданскую войну со всеми ее последствиями). На долю самодержавия, в его концепции, отводилась только «страдательная» роль.

Советская историография ³ поступала прямо противоположно, обвиняя во всех грехах (большой частью реально существовавших) самодержавие и его правительство и

не желая видеть того, что любой парламент (пусть даже квазипарламент) — весьма специфическое учреждение, оно действует своими методами, методами политических компромиссов, а не конфронтации, и пишет свои резолюции чернилами, а не кровью. Многие требования Думы были просто неосуществимы, что историки долго и упорно не хотели признавать. Отметим, что даже В. И. Ленин был более терпим в этом отношении и, настаивая на национализации земли, считался с реальностью кадетской аграрной программы, отвергнутой трудовиками и эсерами,

В последнее время российские историки более сбалансированно оценивают место и роль Дум в истории России, отнюдь не отрицая многовариантности исторического развития России *.

* * *

Путь российского общества к общенациональному представительному учреждению занял не одно столетие. Земские соборы, Уложенная комиссия Екатерины II, конституционные проекты XIX в.— вот лишь некоторые вехи в предыстории российского парламентаризма. Однако понадобились великие потрясения, связанные с революцией 1905 г., чтобы эта давняя мечта передовой российской общественности стала реальностью.

Под влиянием революционных событий Николай II вынужден был согласиться на реализацию либеральных проектов: в феврале 1905 г. было объявлено о предстоящем созыве в России законосовещательной Государственной думы, в августе этот проект был конкретизирован и дополнен основными положениями о выборах в так называемую «булыгинскую» Думу (по имени тогдашнего министра внутренних дел А. Г. Булыгина), Манифестом 17 октября будущей Думе был придан законодательный характер, а в декабре в число избирателей была включена и часть рабочих.

Известие о появлении в России законодательного представительного учреждения было встречено с бурным ликованием во всей империи. В Думе оглашались сотни и сотни приветствий от различных групп россиян — ученых советов университетов, городских дум и земств, от общественных организаций. Признавали новый парламент и все его «старшие братья» в Европе. 30 июня 1906 г. в Думе была оглашена телеграмма из Лондона: «326 членов старейшего парламента в свете приветствуют членов самого юного парламента и надеются встретиться с его представителями в имеющей состояться международной конференции в Вестминстерском дворце. По уполномочию подписавшихся Рандель Кремер»⁵. Дума даже выбрала делегацию из шести человек, но не успела послать ее, так как через неделю была разогнана царем-прудно в России приживались ростки парламентаризма! Но это не умаляет факт признания Думы международной общественностью и прогрессивными слоями в России.

Однако не дремали и реакционные силы. В официальном «Правительственном вестнике» из номера в номер печатались однотипные «всеподданнейшие письма», подписанные группами лиц; в них Дума поливалась грязью как «инородная вы-61

думка», «чужеродное изобретение», которое никогда не прорастет на «истинно русской почве» и будет не только бесполезным, но и вредным учреждением, а поэтому ее следует разогнать и немедленно! Дума даже сделала специальный запрос правительству: на каком основании в его официальном органе ведется антидумская пропаганда? Ответ П. А. Столыпина был столь же прост, сколь и неубедителен: подданные монарха вправе печатать свои письма к нему где угодно. Правительство всеми способами подчеркивало свое пренебрежение к Думе и демонстративно не считалось с нею. Подавать проекты законов в Думу оно не спешило, читать в войсках ее стенограммы запретило. Как сообщил на заседании Думы один из депутатов-крестьян, он вышел послушать, что говорится на митинге, собравшемся под окнами думского общежития, и его, несмотря на депутатскую неприкосновенность, избили. Другой депутат свидетельствовал, что «окровавленного Сидельникова держали два полицейских под руки и когда я стал говорить (предварительно показав свое депутатское удостоверение.— К. Ш.), за' что избили члена Государственной думы, то мне

полицейские ответили: „Уходи, а то и тебе то же будет!“»⁶ В таких условиях работала в столице Государственная дума, и так «уважали» ее царские власти.

По закону о выборах в I Думу, как отмечалось выше, выборы были не прямые, не равные и не всеобщие. Разные слои российского общества были представлены в Думе разным количеством депутатов. Дума не имела права касаться целого ряда важнейших вопросов государственного управления. Но самым главным ограничением Думы стало то, что исполнительная власть (правительство) подчинялась только царю и ни в малейшей степени не зависела от Думы. Последняя могла сколько угодно «законодательствовать», а правительство, назначаемое царем, поступало по его указаниям, тем более что и законодательные права Думы оказались сильно ущемлены: над Думой была поставлена верхняя законодательная палата — Государственный совет. Половина его членов выбиралась от различных «общественных» организаций (представителей промышленности и торговли, университетов, Академии наук и т. д.), а другая половина назначалась царем. После принятия законопроекта Государственным советом его утверждал царь.

И все же учреждение законодательной Государственной думы, провозглашение политических свобод стали значительным шагом по пути исторического прогресса России, в которой самодержавие из неограниченного превратилось в «конституционное самодержавие».

После Манифеста 17 октября 1905 г. в России создалось несколько десятков , политических партий, которые начали издавать свои легальные печатные органы. На их-то страницах и развернулась предвыборная борьба за депутатские места в Думе.

В предвыборных собраниях, на которых выдвигались депутаты, приняли участие все политические партии, в том числе и большевики, меньшевики, эсеры. Россия еще не переживала такого: во всеуслышание в присутствии полицейских шла критика самодержавного строя, говорилось о том, какой должна быть социально-политическая система в стране. Печать, воспользовавшись фактическим отсутствием цензуры, писала все, что она думает о том, какой должна быть Российская империя,

Принимая такой избирательный закон, самодержавие искренне верило в давно культивировавшийся им самообман: если «простой» народ за царя, то он, прежде всего крестьяне, пошлет в Думу верных «патриотов», горой стоящих за «батюшку-царя» и слепо верящих ему. Однако выборы нанесли тяжелый удар по этим надеждам царизма. В I Думе не оказалось ни одного правого депутата. Большевики призывали к бойкоту выборов в Думу, считая, что революция еще не прошла своей высшей точки и Дума сможет добиться изменения реакционного избирательного закона. Позже В. И. Ленин считал это ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой.

Подавляющим большинством депутатов стали представители либеральных партий различных оттенков — от праволиберального крыла, вполне удовлетво-62

Распределение членов I Думы по партиям *

Партии и группы	В начале сессии		В конце сессии	
	число	%	число	%
Октябристы	13	2,9	—	—
Торгово-промышленная оартяж	1	0,2	—	• —
Умеренно-прогрессивная партия	2	0,4	—	—
Прогрессисты	—	—	12	2,4
Партия демократических реформ	4	0,9	14	2,8
Фракция мирного обновления	—	—	23	5,0
Автономисты (поляки, литовцы, латыше, украинцы, мусульмане)	63	14,1	70	14,0
Кадеты	153	34,1	161	33,3

Трудовики	107	23,9	97	19,4
Социал-демократы	—	—	17	3,5
Беспартийные	105	w	193	20,6
Итого-	448	100	499	100

ренного Манифестом 17 октября (правые либералы так и называли себя — «Союз 17 октября», или октябристы), до леволиберального («Конституционно-демократическая партия»), которое в отличие от «безответственной оппозиции» самодержавию (т. е. революционных партий) объявило себя «ответственной оппозицией», не удовлетворенной порядками, сложившимися в стране после Октябрьского манифеста, но выступающей за реформистское, а не революционное превращение «конституционного самодержавия» в правовое государство, каким была, по их представлениям, конституционная монархия английского типа.

Между двумя этими флангами либерализма находились более мелкие либеральные партии (Торгово-промышленная, Умеренно-прогрессивная, Партия демократических реформ и т. д.), легко распадавшиеся и переходившие в другие фракции. Они представляли весь спектр либеральных программ. Почти по всем вопросам кадетов в Думе поддерживали так называемые «автономно ibi» — поляки, литовцы, латыши, украинцы и другие национальные партии, требовавшие не только общеполитических реформ, но и автономии, своего особого местного самоуправления и т. д. Значительное число депутатов, выражавших демократические требования крестьянства (прежде всего требование земли), составили Трудовую группу, отрицавшую индивидуальный террор, а в остальном близкую по своей программе к радикальным требованиям социалистов-революционеров, не признававших легальных методов борьбы. Большевики, первоначально бойкотировавшие выборы в Думу, приняли в них участие на более позднем этапе (на Кавказе и в некоторых других регионах выборы происходили позже, чем в центральных губерниях). Всего социал-демократы провели в I Думу 17 своих депутатов. Общее представление о партийном составе I Думы дает таблица.

Первые выборы в Думу показали, что самодержавие давно уже занималось самообманом, объявив себя единственным защитником и радетелем народных интересов. Народы России считали совсем иначе и, несмотря на «искореженный» избирательный закон, однозначно высказали свое мнение, не избрав в Думу ни одного правого депутата. В стране создалось оригинальное и крайне неустойчивое положение, свидетельствовавшее о том, что революционные силы далеко не исчерпали себя и предстоят новые социальные катаклизмы и потрясения.⁶³

27 апреля 1906 г. в Тронном зале Зимнего дворца состоялось торжественное открытие Думы. Присутствовавший на нем крупнейший русский юрист А. Ф. Кони писал в своих воспоминаниях об этом дне: «Какая смесь одежд и лиц племен, наречий, состояний! Из хат, из келий, из темниц сюда стеклись для совещаний — хочется пародировать слова Пушкина. „Спиджаки*¹, высокие сапоги, у некоторых запыленные, чалмы и халаты инородцев, фиолетовая скуфья католического епископа, шапочка раввина, русские клобуки, фраки и белые галстуки, придворные и дворянские мундиры и устарелые военные формы сливаются в живописном беспорядке. У членов Думы серьезные и „истовые“ лица»⁷. Пестрота нарядов отражала не только разность материального положения думцев, но и пестроту политических убеждений, культурного уровня членов Думы, что в конце концов и определило ее крах. Царь произнес короткую бесцветную речь. Куда большее впечатление на депутатов произвели крики толп народа, скандировавших «Амнистия!», когда они из Зимнего отправились в Таврический дворец для деловых заседаний.

На первом же «деловом» заседании Думы были созданы ее руководящие органы. Председателем был единодушно избран крупный ученый Сергей Андреевич Муромцев (1850—1910 гг.). Окончив в 1871 г. юридический факультет Московского университета, Муромцев был оставлен для подготовки к профессорской деятельности и

специализировался в юриспруденции по истории римского права. Опубликовав ряд серьезнейших работ и защитив магистерскую, а затем и докторскую диссертации, Муромцев в 27 лет стал профессором Московского университета, а затем и его проректором. Сергей Андреевич не был «сухим» ученым, он активно участвовал в земской жизни, занимался публицистической деятельностью, стал со временем председателем Юридического общества. В 1881 г. Муромцев был изгнан из Московского университета за сопротивление изменению университетского Устава и попытку отстаивать академические свободы студентов. Теперь его деятельность сосредоточилась на работе в Юридическом обществе, редактировании издававшегося им «Юридического вестника», а после их закрытия (в 1892 и 1899 гг.) Муромцев издает периодические сборники научных работ, с 1898 г. получает право читать лекции по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству в Императорском Александровском лицее. Все это время Сергей Андреевич занимается активной общественной работой в качестве городского и земского гласного. Когда «Союз освобождения» в 1904 г. приступил к выработке Конституции России, Муромцев принял в этом самое активное участие, а летом 1905 г. начал работу над «Думским наказом» для будущей законодательной Думы. В эти годы Муромцев изучает конституции других стран, пытается даже заранее кодифицировать «Свод основных законов Российской империи» в соответствии с созданием в стране законодательной Думы, в неизбежности чего он был твердо уверен. Ревниво относившийся к бесспорному авторитету Муромцева П. Н. Милюков признавал, что кандидатура Муромцева задолго до создания Думы была намечена в ее председатели, к чему Сергей Андреевич и начал заранее готовиться. «Таким образом,— писал Милюков, — в значительной степени именно С. А. Муромцеву первая Государственная дума обязана тем, что введение русского представительства действительно не застало „врасплох“ наиболее подготовленную часть русской интеллигенции. Оно застало врасплох лишь само правительство»⁸.

Муромцев не только теоретически готовился к роли председателя Думы, тщательно изучая и составляя «Наказ» для нее, но и формально репетировал свое председательство, отрабатывая голос, умение держаться на председательском месте, репетируя заранее свое будущее поведение. Торжественность председателя Думы производила большое впечатление на многих крестьян: «Служит словно батюшка в церкви»,— говорили они. Да и не только крестьян. «Величественная поза нашего председателя,— вспоминал П. Н. Милюков,— надо признать, была принята всеми как олицетворение величия самого учреждения, и создавала Муромцеву огромную популярность»⁹. Когда в 1910 г. Муромцев умер, провожать его⁶⁴

в последний чуть вышла вся Москва. Похороны эти по своему общественному значению, даже такие радикалы, как В. И. Ленин, сравнивали с другим подобным же событием — похоронами Л. Н. Толстого, именно с этими событиями связывая пробуждение общественного движения накануне Первой мировой войны. И сейчас могила С. А. Муромцева на Донском кладбище не забывается москвичами, и чьи-то руки почти всегда кладут цветы к праху первого председателя I Думы.

^Единодушно был избран и секретарь Думы. Им стал обаятельный человек князь Дмитрий Иванович Шаховской (1861— 1938). Из всех своих предков-рюриковичей Дмитрий Иванович чтит только двух: деда Федора Петровича Шаховского — декабриста, приговоренного к повешению, замененному вечной ссылкой в Сибирь, и Петра Яковлевича Чаадаева, внучатым племянником которого он был. «Я — внук декабриста и всегда помню это, насколько себя помню... и в рассказах двух своих бабушек, молодевших в выражении своей ненависти к виновникам гибели дорогого им человека, я уже давно почерпнул непоколебимую веру в правоту либерального дела в России»¹⁰.

Окончив в 1885 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, Дмитрий Иванович не использовал свои блестящие светские связи (отец его был любимым генерал-адъютантом Александра III, вместе с которым воспитывался

в детские годы), а отправился в самую глушь Тверской губернии в Весьегонский уезд организовывать земскую школу для детей крестьян. Вскоре он знакомится с Л. Н. Толстым и на некоторое время становится его последователем, пользуясь искренним уважением великого русского писателя. «Я как сейчас ном-ню ласковое выражение глаз Толстого, устремленных на Шаховского»,— вспоминал историк А. А. Корнилов об одной из встреч, на которой Шаховской горячо ратовал за организацию материальной помощи голодающим крестьянам¹.

Позже Шаховской активно включается в земскую работу, участвует в организации и руководстве нелегального журнала «Освобождение», избирается в ЦК кадетской партии после ее создания. Судьба этого альтруиста и правдолюбца сложилась трагичнее, чем у Муромцева. Он пережил годы революции и Гражданской войны, а в 1938 г. 77-летний старик был расстрелян как «враг народа».

Таковыми были люди, поставленные Думой у ее руля. Немудрено, что Дума прежде всего занялась вопросами политических свобод в стране и экономического положения крестьянства, пытаясь распутать тугой узел аграрных противоречий-

Дума не только не создала условий для «успокоения» страны, на что надеялись как представители самодержавия, так и либералы, напротив, она еще более обострила ситуацию, усилив разделение России на антагонистические лагеря. «Трудовики» (в основном эсеровски настроенные крестьяне) вместе с социал-демократами и беспартийными (большинство которых было тоже радикально настроено) не шли ни на какие компромиссы, требуя такого решения аграрного вопроса, которого нельзя было достичь без гражданской войны, ибо почти 100 тыс. ¹ владельцев «дворянских гнезд», служившие в армии, на флоте и в других ¹ правительственных учреждениях, конечно же, никогда не отдали бы «за так» свои поместья, полученные за «государеву службу» и оплаченные кровью их предков при создании колоссальной империи. Это была их, «помещичья правда».

Но была в России и другая, «крестьянская правда», исходившая из того, что именно крестьянам принадлежали казенные, так называемые «черные» земли, испокон века поливавшиеся их потом и вдруг в одночасье, росчерком царского пера отданные вместе с их «душами» помещику. Да и в создании империи принимали участие, разумеется, не только офицеры-дворяне, но и солдаты-крестьяне. Конечно, любой вопрос, даже такой сложный и запутанный, как аграрный, можно было бы решить компромиссным путем, на что и надеялись кадеты, представляя в Думу свой аграрный закон-проект. Так считал даже вождь большевиков В. И. Ленин, крайне редко шедший в своей политической деятельности на компромиссы. «Выкуп помещичьих и других земель по типу кадетской земельной реформы,— писал он уже после разгона I Думы,— помазал бы по губам все "дцвествянство и великолепно достиг бы той цели, к которой по-медвежьи „ломит"»

самодержавие, именно: укрепил бы страшно крестьянскую буржуазию, сделав из нее оплот „порядка". Но Романовы, Треповы, Игнатьевы и Столыпины слишком „глупы, чтобы понять это»¹².

¹— Не склонна была проявлять политическую мудрость и другая сторона. Малообразованные крестьяне не анализировали дальних последствий своих требований и действовали по примитивной, но очень доходчивой формуле героя Михаила Булгакова— Шарикова: «А что тут мудрить? Все отнять и разделить поровну!» Это коренное противоречие I Думы и определило короткую ее судьбу.

Зная, что царь люто ненавидит Думу, вырванную у него революцией, назначенные им министры, тоже явно не симпатизировавшие ей, всячески демонстрировали свое пренебрежение к ней, тем более, что депутаты Думы, отражая интересы своих избирателей, отнюдь не собирались превратиться в законопослушную «машину для голосования». В принятый 5 мая ответный адрес на «тройную» речь царя, несмотря на различное толкование некоторых деталей, I Дума дружно включила требования амнистии политическим заключенным, установления ответственности министров перед народным представительством, упразднения Государственного совета, реального

осуществления политических свобод, всеобщего равенства, ликвидации казенных, удельных, монастырских и земель и принудительного выкупа частновладельческих земель для ликвидации земельного голода крестьян.

Думцы надеялись, что по традиции царь примет ее председателя с ответным адресом, но получили публичную пощечину. Николай II отказался принять председателя Думы С. А. Муромцева. Пришлось передавать адрес для «монаршего прочтения» через председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. Думцы - молча проглотили эту пилюлю и с нетерпением ждали, что ответит правительство

на требования Думы. 13 мая на ее трибуну поднялся председатель Совета О министров И. Л. Горемыкин и на все требования ответил решительным «Нет!». Даже правые либералы, мечтавшие сотрудничать с царским правительством, были обескуражены. «Ответ правительства — сплошная политическая ошибка,— писал их лидер А. И. Гучков.— Одновременный отказ и по политическим, и по экономическим требованиям смыкает ряды оппозиции, которые только что начали расстраиваться! Теперь перед нами альтернатива: „свержение“ правительства или „разгон“ Думы. И то, и другое знаменует собой величайшее потрясение страны. В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае — диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь, да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас проглотил пролетариат»¹⁴.

Левые либералы думали несколько иначе и, назвав I Думу «Думой народного гнева», начали, как они говорили, «штурм правительства». Отвечая на речь Горемыкина, один из лидеров кадетской партии — В. Д. Набоков заявил, что программа правительства не способствует «обновлению России, о котором нам объявлялось с высоты престола. Мы полагаем,— заключил он свою речь,— что выход из этого положения может быть один: раз нас призывают к борьбе, раз нам говорят, что правительство является не исполнителем требований народного представительства, а их критиком и отрицателем, то с точки зрения принципа народного представительства мы можем сказать только одно: исполнительная власть да покорится власти законодательной!»¹⁵ Дума приняла резолюцию о полном недоверии правительству и потребовала его отставки,

Но исполнительная власть и не думала покоряться. Наоборот, зная настроение царя, министры объявили бойкот Думе, перестали посещать ее заседания и решили публично унижить законодателей, прислав им первый законопроект об ассигновании 40 029 руб. 49 коп. на постройку пальмовой оранжереи и сооружение прачечной при Юрьевском университете: всяк сверчок знай свой шесток!

На политику правительства Дума ответила градом запросов о нарушении местной и центральной администрацией существовавших в стране законов. До-66

статочно было собрать под запросом 30 подписей членов Думы, как правительство обязано было в течение определенного времени публично объяснить свои действия или высказать свое отношение к поступкам местных властей. За 72 дня своего существования Дума сделала 391 запрос о противозаконных действиях власти. Правительство игнорировало эти запросы. Однако газеты печатали отчеты обо всем происходившем в Думе, довольно быстро публиковались стенографические отчеты о ее заседаниях, и страна ясно видела «кто есть кто».

Деятельность I Думы проходила в очень сложных и не способствовавших нормальной конституционной жизни условиях. Правительство проводило воинственно-реакционную политику. В стране продолжалась революция, на гребне которой в Думу пришло радикально настроенное большинство депутатов. Вдобавок к этому в 1906 г. страну охватил очередной голод. Он не был таким жестоким, как голод 1891—1892 гг., который, по сведениям, оглашенным в Думе, стоил России 400 тыс. жизней, тем не менее в 26 губерниях и 2 областях голодало 20 млн. человек¹⁶. За 15 лет это был уже четвертый голодный год, потрясший страну (этим бедствием отмечены 1891, 1898, 1901,

1902гг.).

Борясь с полыхавшей революцией, правительство резко усилило репрессии, все чаще прибегая к смертным казням. Если за 27 лет, с 1866 по 1892 г., в России было казнено по приговору судов 134 человека, то за 18 месяцев 1905 и 1906 гг.— 300 ¹⁷, причем эта цифра учитывает только официальные приговоры судов, не считая трупов, оставленных карательными отрядами и многочисленными погромами, прокатившимися по стране и организованными не только с прямого попустительства, но и при непосредственном участии местных властей. Печально знаменитый белостокский погром в начале июня 1906 г. продолжался 3 дня, в итоге — 88 убитых и 82 изуверенных ¹⁸. Посланная Думой специальная комиссия установила, что местные власти и вызванные на места погромов войска не только не препятствовали черносотенцам, но сами участвовали в убийствах и погромах, считая, что таким варварским способом они могут приостановить размах революционного движения в стране.[^]

Именно поэтому сделанные Думой запросы (в среднем по 5 запросов в день, считая субботы, воскресенья и другие нерабочие дни) состояли из конкретных жалоб избирателей на произвол местных властей, а сама Дума возбудила и бурно обсуждала запросы о голоде и связанном с ним решении аграрного вопроса (в прения записалось более 150 депутатов), об отмене смертной казни и амнистии политическим заключенным (40 депутатов), о равноправии и правах человека (более 30 депутатов), о погроме в Белостоке (20 депутатов) и другие острополитические проблемы. Стенографические отчеты только 38 пленарных заседаний I Думы с 27 апреля по 7 июля 1906 г. содержат более 100 печатных листов, а ведь кроме пленарных заседаний Думы ею было создано 18 специальных комиссий, которые тоже заседали не один день, подготавливая решения порученных им вопросов к общим заседаниям Думы. Депутаты работали без устали и всё говорили, говорили, говорили, но без взаимопонимания с исполнительной властью, а достичь его в тех конкретных условиях было невозможно, все это превращалось в болтовню, раздражавшую «власть имущих» и не успокаивающую революцию, а еще более возбуждавшую население против правительства.

Да и сама Дума, ораторы в которой без конца повторяли одни и те же мысли, «разводной ные» конкретными примерами из отдельного села, волости или уезда, начинала чувствовать, что она заходит в тупик. К концу отдельных заседаний в ней не оказывалось даже кворума для голосования: депутаты, отметившись о своем прибытии (и получив тем самым право на денежное вознаграждение за «работу»), постепенно покидали зал заседаний, и он катастрофически пустел. Дума даже не успела принять «Наказ» о своей работе, что должна была сделать согласно «Положения о выборах в Государственную думу» ¹⁹, чем крайне затрудняла действия своего председателя С. А. Муромцева, опытного юриста, вынужденного сплошь и рядом ссылаться на прецеденты в работе других европейских парламентов.

Однако участь I Думы решили не запросы о беззакониях, творившихся в стране, и не критические выступления депутатов с трибуны, становившиеся достоянием широкой общественности. Уже в течение десятилетий общественно-политическая борьба в России велась вокруг кардинального для России аграрного вопроса, затрагивавшего судьбы многомиллионного крестьянства страны. Он достался российскому обществу в наследство от крепостного права, отмененного реформой 1861 г. Крестьяне требовали, чтобы помещичья земля была отдана им. Правительство решительно стояло на стороне помещиков. Занялась этим вопросом и I Дума- 8 мая кадеты за подписью 42 депутатов внесли свой аграрный законопроект. 19 мая 104 депутата Трудовой группы внесли свой. Суть аграрной реформы обоими проектами сводилась к образованию «государственного земельного запаса» («Записка 42-х») или «общественного земельного фонда» («Проект 104-х») для обеспечения безземельного и малоземельного крестьянства путем отвода ему не в собственность, а в пользование участков в пределах так называемой «трудовой» или «потребительской» нормы.

Оба проекта в этот фонд включали казенные, удельные и монастырские земли. Вопрос о помещичьих землях решался в проектах по-разному. Трудовики предлагали и помещикам оставить только «трудовую норму» (т. е. столько, сколько может обработать семья помещика своими силами), а кадетский проект предусматривал возможность сохранения нетронутыми тех крупных поместий, которые ведутся «образцово», т. е. где урожайность выше, чем в крестьянских хозяйствах. По-разному решался вопрос и о вознаграждении помещиков за изъятые у них земли. Кадеты предлагали назначить «справедливую» (нерыночную) цену, а трудовики откладывали решение о цене изъятых помещичьей земли до того времени, когда «аграрная реформа будет обсуждена народом на местах», и допускали возможность вообще безвозмездного отчуждения частновладельческих земель.

6 июня появился еще более радикальный эсеровский «Проект 33-х». Он предусматривал немедленное и полное уничтожение частной собственности на землю и объявление ее со всеми недрами и водами общей собственностью всего населения России.)

I Государственная дума не просуществовала и двух с половиной месяцев. Народное представительство, даже избранное по далеко не демократическому закону, оказалось несовместимым с самодержавным строем. Октябрьский манифест был издан с единственной целью: «уступить, чтобы ничего не дать». Особенно напугали правительство требования трудовиков. Выступая в I Думе, Ф. М. Овчинков, представлявший Ставропольскую губернию, заявил, что миллионы крестьянских голосов «сливаются в одном могучем возгласе: „Всю землю, всю волю всему народу!“ — и в этом священном требовании крестьянин не допустит ни малейшей урезки. За него он положит свою голову, за него пойдет в тюрьму и ссылку». Если «бы близорукие «вожди» самодержавия поняли то, что было ясно ставропольскому тужику, каких бед, потрясений и разорения могла бы избежать Россия!

[7 А члены Трудовой группы выступали, не скрывая своих конечных целей:

«Мы,— заявил Г. Н. Шляпников,— сразу желаем покончить с крупным и средним землевладением и стереть помещичье сословие эксплуататоров-землевладельцев»²⁰. «Не доводите крестьян до того, чтобы они сами брали у вас землю»,— ^заявил, обращаясь к помещикам, трудовик М. М. Жуковский²¹.

"" Не только царские министры, но и правые либералы не были готовы пойти навстречу потерпевшему терпение русскому крестьянству и понять глубину пропасти, перед которой стояла Россия. Возражая трудовикам, октябрист М. А. Стахович заявил: «Если бы действительно среди нас был человек, который бы имел полномочия всего русского народа, чьими устами говорил бы весь русский народ и сказал Государственной думе: „Я долго терпел и больше ждать не хочу; я требую сейчас всего, и если вы всего не перестроите, то я разнесу всю Россию в щепки, и пускай погибнет с ней душа моя“, я уверен, что долг Думы был бы найти в себе силу ответить ему: молчи. Это крик народа безумного, народа преступного»²².

Трудно, но, думается, все же возможно было примирить столь противоположные точки зрения, разумеется, при обоюдном желании сделать это. Но в русской

истории редко прибегали к компромиссам. Даже картошку приучали сажать принудительно! Не мудрено, что и столь запутанный вопрос, как аграрный, хотели решить силой, по лозунгам: «Острые против острия!», «Кто не с нами, тот против нас!», «Класс против класса!» и т. п.

Царское правительство заявило, что и мысли не допускает о возможности принудительного отчуждения частновладельческих и других земель, на которые претендовали все три законопроекта. Более того, не ограничившись выступлениями в Думе главноуправляющего земледелием и землеустройством А. С. Стишинского, министра внутренних дел П. А. Столыпина и председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, излагавших однотипное отношение к аграрным проектам Думы, правительство 20 июня в «Правительственном вестнике» опубликовало заявление по

аграрному вопросу. В нем отвергались все проекты Думы и особо подчеркивалось положение о неприкосновенности частновладельческих земель. В ответ после продолжительных дебатов Дума 6 июля 1906 г. решила обратиться к населению с заявлением «От Государственной думы», в котором излагала ход обсуждения аграрного вопроса в Думе и объявляла, что «Государственная дума стремилась и стремится к мирному установлению нового порядка в стране; Дума надеется, что и разъяснение в истинного положения, в котором находится вопрос о земельном законе, дает возможность населению покойно и мирно ждать окончания работы по изданию земельного закона», а заявление правительства «подрывает в населении веру в правильное разрешение земельного вопроса законодательным путем»²³.

Эти нетрадиционные для нормальных конституционных государей обращения к народу выносили спор правительства с Думой за ее стены. Исход этого спора теперь решался силой. Правительство посоветовало распустить Думу, и Николай II 9 июля 1906 г. издал манифест о ее роспуске, обвиняя Думу в том, что депутаты ее «вместо работы строительства законодательного уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей в указаниях нам на несовершенство законов основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашей монаршей волей и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению»²⁴.

Николай II смутно представлял себе, что последует за этим манифестом. В день его подписания он отметил в своем дневнике: «Свершилось! Дума сегодня закрыта. За завтраком после обедни заметны были у многих вытянувшиеся лица»²⁵. Более дальновидного министра внутренних дел П. А. Столыпина беспокоили не «вытянутые лица» придворных, а то, что революционное движение в России еще не было побеждено. За два дня до подписания манифеста (7 июля 1906 г.) он послал телеграмму всем губернаторам и градоначальникам: «Ввиду ожидаемого с 9 июля возникновения общих беспорядков прошу немедленно распорядиться обысками, арестами руководителей революционных и железнодорожных, а также боевых организаций и агитаторов среди войск, сейчас же принять все меры к охранению правительственных и железнодорожных сооружений, телеграфов, банков, складов и магазинов оружия и взрывчатых веществ... На случай перерыва телеграфа обеспечьте заранее способы сношения между органами власти хотя бы при помощи частных лиц. Затребуйте от жандармских начальников сведения о воинских частях, зараженных пропагандой. Примите действительные твердые меры к обузданию печати... и к защите помещичьих владений»²⁶,

Столыпин, конечно же, лучше знал обстановку в стране: в 1906 г. только в армии и на флоте произошло 21 вооруженное восстание с числом участников около 30 тыс. человек и 230 невооруженных выступлений 124 тыс. матросов и солдат²⁷. Исследовавший военные восстания на Балтике автор справедливо отмечал, что «агитация эсеров особенно усилилась после роспуска Думы, которую они, как и меньшевики, считали центром революционных сил»²⁸. В итоге этой агитации 17—20 июля произошло восстание в Свеаборге, на подавление которого пошла вся Балтийская эскадра, 18 июля восстал Кронштадт, 19 июля -- к-рейс-ср «Память Азова», стоявший на рейде Ревеля. Руководитель восстания А. И. Коптюх написал в Рев-69

вельский комитет РСДРП: «...если приехали члены Государственной думы, то немедленно пусть они переправляются на судно с определенными планами».

Однако депутаты Думы действовали иначе. Когда в понедельник 10 июля они прибыли к Таврическому дворцу, на воротах его висел замок и указ о роспуске Думы, Часть ее бывших депутатов собралась в Выборге и приняла манифест. Вот он:

Народу от народных представителей

^

Граждане всей России!

Указом 8 июля Государственная дума распущена. Когда Вы избирали нас своими

представителями, Вы поручали нам добиваться земли и воли.

Исполняя Ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы. Мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу. Но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих.

Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу, будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане, стойте крепко за погрязшие права народного представительства. Стойте за Государственную думу.

Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства.

У вас есть способ добиться этого.

Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу, и потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, заключенные без согласия народных представителей, то такие займы отныне недействительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народных представителей не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Пред единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может.

Граждане, в этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами-

[подписи членов Гос. думы в алфавитном порядке]³⁰.

Так окончилась история «первого народного представительства», если не считать, что все депутаты I Думы, подписавшие это воззвание, по решению суда отсидели по три месяца в крепости и были лишены гражданских прав, т- е. впредь уже не могли ни выбирать, ни быть избранными в новую Думу.

Досрочный роспуск I Государственной думы не вызвал в стране ни всеобщего восстания, на которое рассчитывали многие революционеры, ни широкого общенационального движения гражданского неповиновения власти, к которому призвали народ авторы Выборгского возвания- Дума не сумела или не успела стать той защитницей насущных интересов россиян, в поддержку которой стоило идти на рискованную конфронтацию с властью, тем более что последняя не пошла летом 1906 г. на изменение избирательного закона и пообещала созвать в скором времени новую, II Думу.

И все же 72 дня, которые отпустила история первому российскому парламенту, не прошли даром. С думской трибуны в Таврическом дворце прозвучал голос самых разных слоев народа и политических партий. Депутаты-нерводумы открыто заявили о животрепещущих экономических, социальных и политических вопросах, стоявших в то время перед Россией, предложили альтернативные варианты их решения, выработали определенную процедуру думских прений и запросов. При этом роль Думы представлялась различным слоям российского общества по-разному: если для одних она стала символом бессмысленности любых надежд на эффективность парламентской системы в условиях России, то для других — необходимым, желанным и в принципе вполне реальным атрибутом будущего правового государства.

Естественно, на работе I Думы лежал осязаемый отпечаток революционной эпохи с

ее левым и правым экстремизмом, правовым нигилизмом, невысокой политической культурой российского общества, взрывами страстей и иллюзий. Но так или иначе, первый шаг был сделан. На очереди был следующий.[^],

Примечания

Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1934. Его же. Первая Государственная дума (воспоминания современника). Париж, 1939; его же. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

Особенно работы Е. Д. Чермского, С. М. Сидельникова и А. Я. Авреха, вышедшие в 30—80-х гг. См.: Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1970; Шелухин В. В. Кадегы — главная партия русской буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983; Ганелин Р. Ш. Царизм и I Дума//Новое о революции 1905- 1907 гг. в России. Л., 1989; Тюлюкин С. В. Июльский политический кризис в России. М., 1991. С. 6 и др.

Государственная дума. Созыв 1. Сессия 1. Заседание 36. 30 июня 1906г.: Стенографический отчет. Стб. 1854. СПб., 1906.

⁶ Там же-Стб. 1571.

⁷ Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1966- С- 356—357.

Милюков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев: Биографический очерк/Сергей Андреевич Муромцев: Сб. М., 1911- С. 44.

""Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 371. ^Шаховской Д. И. Автобиография//Русские ведомости. 1963—1913. М., 1913. Ч. II- С- 151.

Цит. по: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 190.

¹² Леонин В. И. ПСС. Т. 13. С- 386. " Государственная дума. Созыв 1. Сессия 1. Стб- 245-' Цит по- Тюлюкин С. В. Указ. соч. С- 30-

Государственная дума- Созыв 1. Сессия 1. Стб. 326—327.

¹⁶ Там же. Стб. 1075.

¹⁷ Там же. Стб. 1496-¹⁸ Там же. Стб. 1584-

¹⁹ См.; Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 39—54, 94—102. Государственная дума. Созыв 1. Сессия I. Стб. 978-

²¹ Там же. Стб. 860. (

²² Там же. Стб. 997.

²³ Материалы к стенографическим отчетам 1906 г. Корректурные оттиски по заседаниям 39 и 40 (6 и 7 июля). СПб., 1907. Стб. 2078.

Государственная дума в России в документах и материалах. С- 182. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 322. ²⁶ Цит. по: Тюлюкин С. В. Указ. соч. С. 46. ^Ораблев Ю. И, Революционные восстания на Балтике в 1905—1906 гг. Л., 1956- С. 39.

²⁸ Там же. С. 51,

²⁹ Там же. С. 116.

Цит- по: Тюлюкин С. В. Указ. соч. С- 82.